

У моего деда было пятеро сыновей, четверо из них ушли жить на сторону, а младший — мой отец Николай — по традиции остался с родителями, довести их до конца и наследовать родовое имущество. После раскулачивания он со своей женой, моей мамой, и детьми также остался на улице ни с чем. Мои родители поднялись на 40 км выше деревни Фадино на Чусовское озеро, и отец устроился в рыболовецкую государственную артель, которой долго заведовал. Там они случайно родили меня в 1944 году. У той случайности много обстоятельств. В 1941 году отец ушёл на фронт, во время атаки был ранен в кисть левой руки, попал в госпиталь, и его отправили домой. Он бы мог не вернуться, и меня бы не было. Я родился десятым в семье, и мама решила меня окрестить. А поскольку храмов на Чусовском озере никогда не было, она поместила меня в лодку и повезла к бабушке на Горемыку. Так называется перекат ниже озера, где мои дедушка с бабушкой построили новый дом и прожили в нём 30 лет. Бабуш-

Деревня Сусай на Колве. 1987 год

БАБУШКА КРЕСТИЛА МЕНЯ, КАК ЯЗЫЧНИКА: ПРОЧЛА МОЛИТВУ, ОКУНУЛА В РЕКУ И, ДОСТАВ ЛИЦОМ НА ВОСТОК, НАДЕЛА КРЕСТ

ка крестила меня, как язычника: прочла молитву, окунула в реку и, достав лицом на восток, надела крест. По православному обряду меня крестили в Искорской церкви после окончания первого класса.

? Помните, как был устроен быт в вашей родительской семье, чем жили, во что верили?

— Моя семья и ещё четыре жили в большом двухэтажном деревянном доме на хуторе Бани. Я провёл там дошкольное детство. Помню людей, их быт, лодки, неводы до 500 м длиной. Особой техники рыболовства не было: забросят невод в озеро, а потом тянут его к берегу. Для этого использовали установленный на большой лодке ворот как у колодца. Всё лето невод держали на стожарах с сучьями, которые были вбиты вдоль берега озера. Едут мужики рыбачить — снимают сети с жердей, возвращаются — развешивают обратно. Вися-

щий на стожарах невод был символом жизни нашего рыболовецкого хутора.

? В ту пору местные жители всё ещё верили в леших и водяных, совершали языческие обряды?

— Да-да. С рыболовством были связаны определённые обряды. Сети нужно было хранить в чистом месте и ни в коем случае нельзя было переступить через них перед рыболовством. Женщинам вообще запрещалось подходить к неводам, чтобы не случилось какого несчастья. Для удачи сети окуривали дымом древесных мхов и стелек из обуви. Специальные люди выезжали перед рыбалкой на озеро и читали заговоры духам.

? И всё это уживалось с православной верой?

— Конечно. Правда, на Чусовском озере не было храмов, стояли лишь кресты в память об отдельных событиях,

например на переходах через волок. Путешественники XIX века, которые ехали на Печору, отмечали это обстоятельство в своих записках. Люди молились у себя дома. Когда отправлялись за волок, обязательно брали с собой икону Николы Чудотворца и оставляли её там под специально устроенной крышей.

? Теперь в ваших родных местах кто-то живёт?

— Никто. Пустая тайга. В мае 2016 года мы доехали до Печорского волока на катере, который в Ныробе заказал директор Вишерского заповедника. По пути встретили только монаха-отшельника. Последние жители покинули те места в 1980–1990-х годах. В наши дни там никто ничего не расскажет, поскольку нет местных жителей. Я же могу воскресить тамошнюю жизнь во всей былой полноте. Никто ведь ничего толком не знает.

Примерно такая же картина — полное запустение — на Верхней Печоре: по два–три человека в старинных населённых пунктах. Обитаемым остаётся лишь посёлок Якша, где находится